

Пролог

Рождение Саймона Артура Генри Фицрэндольфа Бассета, графа Клайвдона, было ознаменовано грандиозным торжеством — непрекращающийся звон колоколов, реки шампанского, рукоплескания. Величественный замок — фамильное гнездо новорожденного — стал средоточием всеобщего ликования. Жители селения Клайвдон, оставив работу, не преминули разделить радость с отцом имени-того отпрыска.

— Да, — со значением сказал местный пекарь кузнецу, — это тебе не просто ребенок родился.

Пекарь зрил в корень, ибо Саймону Артуру Генри Фицрэндольфу Бассету надлежало стать не просто графом Клайвдоном. То был лишь титул учтивости, не дающий права заседать в палате лордов. Родился наследник титула и богатства древнего герцогского дома Гастингсов и стопочтенного отца, девятого герцога Гастингса, долгие годы тщетно мечтавшего о появлении на свет младенца мужского пола. И вот оно — счастье!

Гордый отец, прижимая к себе плачущее дитя, стоял у дверей в спальню жены. Несколько последних лет из своих сорока он с завистью наблюдал, как у его старых друзей рождались наследники, давая счастливым графам и герцогам уверенность, что их род будет продолжен, а титул сохранен.

Всем, только не герцогу Гастингсу. За пятнадцать лет супружеской жизни его жена пять раз беременела, но лишь

дважды это кончалось родами. Младенцам, ко всеобщей печали, не суждено было выжить. Очередная беременность чуть не стоила жизни самой герцогине, и врачи вынесли вердикт: следующая попытка зачать ребенка может стать роковой для супругов. Герцогиня слишком болезненна, слишком хрупка и, надо признать, уже не так молода. Герцог готов был принять свой жребий стать последним из рода Гастингсов.

Однако герцогиня, да благословит ее Господь, не желала покориться судьбе, ибо хорошо знала свое предназначение в этой жизни, а потому месяцев через пять после перенесенных страданий вновь отворила дверь, соединяющую ее спальню со спальней супруга, и герцог возобновил свои попытки зачать сына.

Через некоторое время она сообщила супругу о новой беременности, но герцог уже не ждал благоприятного исхода. Герцогиню уложили в постель, вызвали лучших докторов. Один из них — светило из Лондона — за баснословный гонорар согласился на время оставить практику и поселиться в поместье. Гастингс воспрял духом. Луч надежды проник в окно герцогских покоев.

Герцогиня страдала от болей, и знаменитый доктор велел подложить под нее подушки. Тогда будет лучше действовать земное притяжение, туманно пояснил он. Герцог счел эти слова весьма убедительными и приказал добавить еще одну подушку, в результате чего тело его жены оказалось под углом примерно в двадцать градусов к земной поверхности и оставалось в таком положении около месяца.

Близился решающий час. Все молились за герцога и роженницу, которая буквально таяла на глазах. Конечно, будет девочка, предполагали домочадцы, и не дай бог ей присоединиться к тем двум, что покоятся на соседнем кладбище.

Когда стоны и крики супруги сделались громче и стали раздаваться чаще, герцог ворвался в спальню, несмотря на протесты доктора. Он оставался там до последнего, чтобы скорее, как можно скорее узнать пол младенца.

Вот появилась головка, плечи... Все склонились над страдающей роженицей и... И герцог Гастингс убедился, что Бог существует и что Он не оставил их семейство. Супруг едва дождался, пока акушерка обмыла новорожденного, тут же схватил его на руки и вышел в большой зал, чтобы показать всем собравшимся.

— У меня сын! — воскликнул он. — Чудесный мальчик!

И пока находившиеся в зале радовались и поздравляли хозяина, тот не сводил глаз с крохи и бормотал:

— Гастингс! Истинный Гастингс!

В порыве чувств герцог велел оседлать одного из лучших призовых коней и выехал за ворота, так как был не в силах усидеть в замке и хотел рассказать о своем счастье каждому встречному.

Тем временем у роженицы никак не унималось кровотечение, врач ничего не мог поделать, она впала в беспамятство и тихо скончалась.

Герцог искренне оплакал жену. Нет, он никогда не любил ее. Долг, уважение, надежда обрести наследника — вот что связывало эту чету. И наконец мечта герцога воплотилась в этом маленьком кричащем комочке... Он распорядился регулярно приносить свежие цветы на могилу покойной, а ее портрет переместить из гостиной в парадный зал, дополнив галерею образов самых почтенных членов семейства.

И занялся воспитанием сына.

Впрочем, процесс этот не был для герцога слишком обременительным. Не посвящать же младенца в тонкости землевладения и особенности управления людьми, населяющими его угодья. Вверив дитя заботам няни, счастливый отец отбыл в Лондон, где продолжал заниматься тем же, чем до появления отпрыска, то есть почти ничем. Правда, теперь он неустанно говорил о сыне всем, и даже самому королю, с гордостью показывал портрет наследника.

Время от времени герцог наезжал в Клайвдон и наконец, когда мальчику исполнилось два года, решил

взяться за его обучение. Первым делом был приобретен гнедой пони, затем куплено небольшое ружье для будущей охоты на лис и приглашены учителя по всем известным человеку наукам.

— Но Саймон еще дитя! — восклицала няня Хопкинс.

— Глупости, — снисходительно усмехался герцог. — Разумеется, я не ожидаю от мальчика мгновенных и блестящих результатов, однако начинать обучение, достойное герцога, нужно как можно раньше.

— Он еще даже не герцог, — бормотала няня.

— Это вопрос времени!

И, закончив бессмысленный спор, Гастингс пристравивался рядом с сыном, который молча строил на ковре кривобокий замок из кубиков. Отец был доволен тем, как быстро мальчик подрастал, восхищался его здоровьем, румяными щечками; ему нравились его шелковистые темные волосы, голубые глаза.

— Что ты строишь, сын?

Малыш улыбнулся и ткнул пальцем в кубики. Герцог встревоженно перевел взгляд на няню — он впервые осознал, что не слышал от сына ни единого слова.

— Он не умеет говорить?

Женщина покачала головой.

— Еще нет, ваша светлость.

Герцог нахмурился.

— Ему уже два года. Ну хотя бы несколько слов?

— У некоторых детей это наступает позже, ваша светлость. Уверяю вас, он смысленный мальчик.

— Кто бы сомневался! Ведь он из Гастингсов.

Миссис Хопкинс кивнула и предположила:

— Возможно, ребенку просто нечего сказать. Ведь он всем доволен.

Герцога не слишком убедило это объяснение, и он не стал выслушивать дальнейшие доводы служанки. Гастингс погладил сына по головке, протянул ему оловянного солдатика и удалился из дома, чтобы проехаться на лошади, которую совсем недавно приобрел у лорда Уэрта.

Однако еще два года спустя герцог уже не был так спокоен, когда снова навестил сына.

— Как? Саймон до сих пор не говорит?! — воскликнул он. — Почему?

— Один бог ведает, — отвечала няня, воздевая руки к небу.

— Что вы с ним сделали, Хопкинс?

— Я не причиняла ребенку зла, ваша светлость!

— Если бы вы прилагали должное старание, он, — палец герцога указал на мальчика, — давно бы заговорил!

Саймон, который усердно выводил в тетради буквы, сидя за крошечной партой, с любопытством наблюдал за этой сценой.

— Ему уже четыре года, черт побери! — вскричал герцог. — И он обязан говорить!

— Зато он умеет писать, — защитила своего подопечного миссис Хопкинс. — На своем веку я вырастила пятерых детей, и никто из них не делал это так красиво, как ваш сын.

— Много ли проку от красивого почерка, если он нем как рыба! — Герцог резко повернулся к отпрыску: — Скажи мне хоть слово, черт тебя возьми!

Саймон весь сжался, его губы задрожали.

— Ваша светлость! — воскликнула няня. — Вы пугаете ребенка.

Теперь гнев герцога обрушился на нее:

— А может, его надо испугать! Может, он так избалован, что просто ленится произнести лишнее слово! Хорошая взбучка — вот чего ему недостает!

В ярости он выхватил из рук няни серебряную щетку с длинной ручкой, которой та причесывала мальчика, и замахнулся на сына.

— Я тебя заставлю говорить, маленький упрямец!

— Нет!

Няня вскрикнула. Герцог выронил щетку. Оба они в первый раз слышали голос Саймона.

— Что ты сказал? — прошептал герцог и невольно прослезился.

Мальчик стоял перед ним, сжав кулачки и вскинув подбородок.

— В-вы н-не...

Герцог смертельно побледнел.

— Что он говорит, Хопкинс?

Сын делал отчаянные попытки выговорить что-то.

— В-в... — вырвалось из его горла.

— Боже, — с трудом вымолвил герцог, — он слабоумный.

— Он не слабоумный! — вскричала няня, бросаясь к мальчику и обнимая его.

— В-вы н-не б... бей... т-те... — Саймон набрал в легкие еще воздуха, — м... меня.

Герцог присел в кресло у окна, обхватил голову руками и простонал:

— Господи, за что мне все это?

— Вам следует похвалить ребенка, — услышал он голос няни. — Ведь это его первые слова...

— Слова? Да он дебил! Презренный маленький дебил! И заика к тому же!

Саймон разрыдался. Герцог продолжал стелать и ругаться.

— Вот черт! Род Гастингсов прекратится на этом слабоумном! Долгие годы я молил небо о сыне — и вот награда! Придется передать мой титул наглomu двоюродному брату... Все, все рухнуло!.. — Герцог снова повернулся к мальчику, который всхлипывал и тер глаза, тщетно стараясь прекратить рыдания. — Я не могу смотреть на него! — выдохнул герцог. — Нет, не могу!.. Это выше моих сил. Учить его бесполезно!

С этими словами он выскочил из детской.

Миссис Хопкинс крепко прижала ребенка к себе и с чувством прошептала ему:

— Неправда, ты очень умный. Самый умный из всех детей. И скоро ты научишься хорошо говорить, я в этом уверена!

Саймон продолжал плакать в ее нежных объятиях.

— Мы еще покажем ему! — пригрозила няня. — Заставим взять обратно свои слова, клянусь!..

Няня Хопкинс знала, о чем говорила. Пока герцог Гастингс пропадал в Лондоне, всеми доступными способами прогоняя мысли о сыне, она не теряла ни минуты, не спускала с Саймона глаз и учила его, как могла, произносить звуки, слоги, слова, поощряя лаской, если у него получалось, и подбадривая, когда слова не складывались.

Дело продвигалось медленно, но верно. Когда Саймону исполнилось шесть, он заикался уже гораздо меньше, а к восьми годам справлялся порой с целым предложением, ни разу не споткнувшись. Конечно, учение давалось хуже, если мальчик бывал чем-то расстроен, и няня не уставала напоминать: он должен научиться владеть собой и оставаться спокойным, если хочет произносить слова и фразы без запинки.

К счастью, Саймон оказался не по-детски упорным, настойчивым, даже упрямым. Он научился выравнивать дыхание, прежде чем что-либо произнести, и тщательно следить за своей артикуляцией.

Время шло. Мальчику исполнилось одиннадцать. Однажды он задумчиво посмотрел на няню и, собравшись с мыслями, четко произнес:

— Полагаю, настало время навестить отца.

Миссис Хопкинс внимательно посмотрела на своего подопечного. Герцог Гастингс за эти семь лет ни разу не появился в замке, не ответил ни на одно письмо сына, которых набралось, наверное, около сотни.

— Ты в самом деле хочешь этого? — спросила она после долгой паузы.

Саймон кивнул.

— Что ж, тогда я велю заложить карету. Завтра мы отправимся в Лондон, милый мой...

Ехали они долго, и в город прибыли лишь к вечеру третьего дня. Не без труда няня отыскала дом, где никогда раньше не бывала. Затаив дыхание, она постучала бронзовым молотком в величественные двери, которые, к ее удивлению, почти сразу открылись, и взору их предстал не менее величественный дворецкий.

— Посылки принимаются с черного хода, — произнес он и хотел было захлопнуть дверь.

— Подождите! — крикнула миссис Хопкинс, подставляя ногу и препятствуя ему. — Мы не прислуга.

Дворецкий окинул незнакомку подозрительным взглядом.

— Я — да, — пояснила няня, — но мальчик — нет. — Она схватила Саймона за руку, поставив перед собой. — Это граф Клайвдон, и вам следует отнестись к нему с почтением.

Дворецкий потерял дар речи, несколько раз моргнул, прежде чем произнести:

— Насколько мне известно, граф Клайвдон мертв.

— Что? — изумилась миссис Хопкинс.

— И вовсе я не умер! — воскликнул Саймон со всем справедливым возмущением, на которое способен одиннадцатилетний мальчик.

Дворецкий повнимательнее взгляделся в его лицо и, видимо, распознав во внешности кое-какие черты герцога Гастингса, отворил пошире дверь и пригласил незваных гостей войти.

— П-почему вы решили, что я м-мертв? — спросил Саймон, заикаясь.

Он не мог справиться с собой и мысленно ругал себя за это.

— Ничего не могу вам ответить, — отрезал дворецкий. — Не моего ума это дело.

— Конечно, — сердито парировала няня, — ваше дело сказать мальчику такие страшные слова, а отвечают пусть другие.

Дворецкий на минуту задумался, а затем произнес:

— Его светлость не упоминал о нем все эти годы. Последнее, что я слышал: «У меня не стало сына». И вид у его светлости был такой печальный, что никто больше его ни о чем не спрашивал. Мы, то есть слуги, посчитали, что ребенок отдал богу душу.

В горле Саймона что-то заклокотало.

— Разве герцог носил траур? — не унималась няня. — Нет? Как же вы могли прийти к таким выводам, если отец не надевал траурное платье?

Дворецкий пожал плечами.

— Его светлость часто носит черное. Почему мне знать?

— Кошмар какой-то! — воскликнула няня. — А теперь немедленно доложите его светлости, что мы здесь!

Саймон не мог вымолвить ни слова. Он пытался унять волнение, чтобы достойно держать речь перед отцом.

Дворецкий наклонил голову и негромко сказал:

— Герцог наверху. Я тотчас сообщу ему о вашем визите.

В ожидании герцога няня ходила взад-вперед, подбирая наиболее убедительные слова, с которыми хотела бы обратиться к хозяину. Саймон стоял посреди холла, прижав руки к телу и тщетно пытаясь упорядочить дыхание.

«Я должен... я обязан говорить нормально, — билось у него в мозгу. — Я могу сделать это!»

Няня поняла его усилия и, подбежав, опустилась на колени, взяла его руки в свои.

— Успокойся, мой мальчик, — увещевала она. — Дыши глубже... Так... И произноси мысленно каждое слово, перед тем как выговорить. Если ты будешь следить...

— Вижу, вы по-прежнему нянчитесь с ним? — услышали они властный голос.

Миссис Хопкинс поднялась с колен, повернулась к говорившему. Она тщетно пыталась быть учливой — уважительные слова не шли ей на ум. Равно как и все остальные слова и фразы. Всмотревшись в лицо хозяина, она уловила в нем сходство с сыном, и ее захлестнул гнев. Да, они очень похожи, но это не означает, что герцога можно назвать отцом мальчика. Какой он ему отец!

— Вы... вы, сэр, не достойны уважения!

— А вы, мадам, извольте пойти вон! — крикнул ей хозяин. — Никто не смеет разговаривать с герцогом Гастингсом в таком тоне.

— Даже король? — спросил Саймон.

Герцог резко обернулся и тихо произнес:

— Ты...Ты подросток...

Саймон молча кивнул. Он стушевался, опасаясь сбиться с верного тона. Такое бывало. Он мог целый день говорить без запинки, но только в случае полного покоя, не как сейчас...

Под взглядом отца он ощущал себя беспомощным, никому не нужным, брошенным ребенком. Дебилом. Его язык — он чувствовал это — стал огромным, сухим и напряженным.

Герцог улыбнулся. Улыбка источала злорадство, жестокость. Или мальчику показалось?

— Ну, что ты хотел еще сказать? — процедил отец. — А? Говори, если, конечно, способен!

— Все хорошо, Саймон, — прошептала няня, бросая уничтожающий взгляд на герцога. — Все в порядке. Ты можешь говорить правильно, дитя мое.

Ласковые слова, как ни странно, произвели обратный эффект. Саймон намеревался говорить с отцом как взрослый со взрослым, а няня обращается с ним словно с несмышленищем.

— Я жду, — сказал герцог. — Ты проглотил язык?

Все мышцы Саймона напряглись, тело завибрировало. Отец и сын продолжали смотреть друг на друга, и время казалось мальчику вечностью, пока ее не прорезали слова герцога.

— Ты самое большое мое разочарование, — прошипел он. — Не знаю, в чем мой грех перед Господом, но я надеюсь, он простит мне, если я больше никогда тебя не увижу...

— Ваша светлость! — в ужасе воскликнула няня. — Как вы можете говорить такое ребенку?!

— Убирайтесь! — взревел он. — Можете оставаться на службе, куда будете держать его подальше от меня. — С этими словами он направился к двери.

— Постойте!

Гастингс медленно повернулся на голос мальчика.

— Что ты хочешь сказать?

Саймон сделал три глубоких вдоха через нос. Однако его рот сковывали гнев и страх. Он попытался сосредоточиться, попробовал провести языком по небу, вспомнить все приемы, которым учила его няня. Наконец, когда герцог снова повернулся к двери, мальчик произнес:

— Я ваш сын.

Миссис Хопкинс не сдержала вдоха облегчения, и что-то похожее на гордость мелькнуло в глазах герцога. Скорее не гордость, а легкое удовлетворение, но Саймон уловил это и заметно приободрился.

— Я ваш сын, — повторил он немного громче. — И я н-не... я н-н-не...

Вдруг в его горле что-то сомкнулось. Он в ужасе замолчал.

«Я должен, должен говорить», — стучало в ушах мальчика.

Но рот пересох, горло сдавило. Глаза отца сузились, в них было...

— Я н-н-е...

— Отправляйся обратно, — негромко вымолвил герцог. — Здесь тебе не место.

Слова эти пронзили все существо мальчика, боль охватила тело, вызвав волну гнева, ненависти. В эти минуты он принял решение. Он поклялся, что если этот человек не видит в нем достойного сына, то и он, Саймон, никогда больше не назовет его отцом. Никогда...

Глава 1

В высшем свете трудно отыскать более плодовитое семейство, нежели Бриджертоны. Такое усердие со стороны виконтессы и покойного ныне виконта, несомненно, достойно всяческих похвал. Несколько странным может показаться лишь выбор имен для их восьмерых детей: Энтони, Бенедикт, Колин, Дафна, Элоиза, Франческа, Грегори и Гиацинта. Конечно, при всем уважении к порядку даже самые педантичные родители могли бы давать своим детям имена вне какой бы то ни было зависимости от последовательности букв в алфавите.*

Более того, если вам, благосклонный читатель, доведется лицезреть их всех — виконтессу и восьмерых ее детей — в одной комнате, вас может удивить, даже испугать мысль, что перед вами один и тот же человек, но раздвоившийся, расстроившийся, развосьмерившийся... И хотя вашему автору не доводилось сравнивать цвет глаз у всех восьмерых, тем не менее комплекция и роскошь каштанового цвета волос каждого из отпрысков делает их почти неразличимыми. Можно только посочувствовать виконтессе в ее матримониальных усилиях и выразить сожаление, что ни одно из ее чад не способно блеснуть на брачном поприще. И все же есть одно бесспорное преимущество у этой семьи, все члены которой так похожи друг

* Все восемь имен соответствуют восьми первым буквам английского алфавита. — *Здесь и далее примеч. пер.*

на друга, — никто не посмеет усомниться в законности их происхождения.

Ах, благосклонный читатель, преданный вам автор жалеет, чтобы во всех семьях царила такая уверенность...

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
26 апреля 1813 года*

— О-ох!

Вайолет Бриджертон с отвращением скомкала листок газеты и швырнула в дальний угол гостиной.

Ее дочь Дафна сочла благоразумным пропустить мимо ушей возмущенный вздох матери и продолжила заниматься вышиванием. Тщетно.

— Ты читала это? — спросила мать. — Читала?

Дафна посмотрела на комок бумаги, мирно лежащий под столом красного дерева, и ответила:

— У меня не было возможности сделать это до того, как ты так произвела свой мастерский бросок.

— Тогда ознакомься! — с трагизмом в голосе воскликнула Вайолет. — И узнаешь, как эта женщина злословит по нашему поводу.

Как ни в чем не бывало дочь отложила в сторону вышивание и извлекла из-под стола бумажный катыш. Разгладив листок, она пробежала глазами ту часть «Хроники», которая имела отношение к их семье, подняла голову и сказала:

— Не вижу повода расстраиваться, мама. А в сравнении с тем, что она писала на прошлой неделе о семье Фезерингтон, — сплошные комплименты.

Мать с отвращением мотнула головой.

— Ты полагаешь, мне будет легко найти тебе жениха, если эта змея не прикусит свой мерзкий язык?

Дафна глубоко вздохнула. После двух сезонов в Лондоне от одного упоминания о замужестве у нее начинало ломить виски. Она хотела выйти замуж, и даже не тщила себя иллюзией, что это будет обязательно по большой любви. Ведь вовсе не так уж страшно, если ее заменит просто симпатия, настоящая дружба.